

юга на север, а не так, как считают авторы коми этимологического словаря.¹⁴ Богатые археологические материалы неоспоримо свидетельствуют о том, что огромный поток ценных металлических вещей издавна шел от Черноморского побережья, южных степей, Кавказа и Ирана на север, а не наоборот.¹⁵ Заметим, наконец, что вряд ли уместно в этимологическом словаре делать попутные замечания такого рода, как на стр. 331 относительно все того же предполагаемого **ez-* < **āz-*: «не заимствовано ли это слово из и.-е. (= индоевропейских языков), ср. нем. *Eisen* 'железо'?» В этом совершенно случайном замечании почему-то приведена новонемецкая форма, а не древневерхнемецкая *īsa(r)n*, англо-саксонская *iscrn* и т. п. Как можно связать эти данные с гипотетическим **ez-*, **āz-*, остается совершенно неясным и в фонетическом и в семантическом отношении.

Наряду с привлечением такого побочного материала, как коми *vōsčō* 'милый, милая', авторы не высказались о некоторых мансийских и хантыйских элементах лексики, которые с известным основанием можно было бы привлечь: манс. *ves* 'красота'; *vesin*, *vespa* 'красивый', *veskat* 'правда, истина';¹⁶ хант. *weś* 'Gestalt;

¹⁴ См. А. И. Попов, К этимологии названий некоторых металлов в финно-угорских языках. — СФУ VI 1970, стр. 249—252.

¹⁵ Кроме того, следует напомнить об отсутствии месторождений серебра на северо-востоке Европейской части СССР, тогда как на Кавказе — в Осетии — с давних пор известны серебряно-свинцовые рудники.

¹⁶ В. Н. Чернецов, И. Я. Чернецова, Краткий мансийско-русский словарь, Москва—Ленинград 1936, стр. 108.

Aussehen'.¹⁷ Здесь же следовало рассмотреть и коми *vesькыд* 'прямой, правдивый, честный, правый, истинный', удм. *vesь-vesь*, *vesькыт* 'стройный' и т. п. данные, которым в этимологическом словаре отведено место на стр. 53—54 без указания на возможности иных связей. Мы, конечно, не утверждаем, что подобные связи существуют в генетическом смысле, но народно-этимологические соприкосновения могли найти свое отражение. Это следовало рассмотреть ввиду наличия таких соседних явлений, как двойственность ненец. *ненэй* 1) 'настоящий, подлинный, истинный' и 2) 'серебро'; *ненэся* 'правда, правдивый'¹⁸ и т. п. Можно было бы добавить еще несколько замечаний к этим материалам.

Во всяком случае, следует сказать, что статьи, касающиеся названий металлов, вообще не принадлежат к числу удачных (сюда следует отнести попытку расшифровать слово *широе* 'свинец'¹⁹ — см. стр. 319—320 — крайне натянутую и противоречивую).

Несмотря на недочеты (многих из них, особенно мелких небрежностей, мы здесь не касались), следует признать рассматриваемую книгу полезной; можно надеяться, что ее содержание будет в дальнейшем усовершенствовано и расширено.

¹⁷ W. Steinitz, Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis, Leipzig 1950, стр. 166.

¹⁸ Н. М. Терещенко, Ненецко-русский словарь, стр. 299—300.

¹⁹ Оно известно из записей XVIII в. (акад. И. Лепехин).

А. И. ПОПОВ (Ленинград)

<https://doi.org/10.3176/lu.1974.1.12>

Csúcs Sándor, A votják nyelv orosz jövevényszavai I. — NyK LXXII 2 1970, стр. 323—362; II. — NyK LXXIV 1 1972, стр. 27—47.

Изучение пермских языков, в частности удмуртского, имеет в Венгрии давнюю традицию. Нам, удмуртским языковедам, отродно знать, что интерес венгерских филологов к пермским языкам не ослабевает. Свидетельствует об этом и исследование Шандором Чучем русских заимствований в удмуртском языке.

Выбор темы молодым языковедом далеко не случаен. Он в некоторой степени обусловлен большими достижениями венгерского языкознания в области изучения исторической лексикологии венгерского и других финно-угорских языков, о чем говорят издания фундаментальных этимологических словарей венгерского языка,

работа над этимологическим словарем уральских языков, а также интенсивная разработка проблем контактирования финно-угорских языков с языками других генеалогических групп (в первую очередь со славянскими) и между собой.

Первую свою самостоятельную работу по удмуртскому языку Б. Мункачи тоже посвятил рассмотрению иноязычных элементов — тюркских и русских заимствований — в удмуртском языке, мотивируя это тем, что прежде чем приступить к глубокому историческому изучению структуры языка, необходимо вычленив из нее чужеродные элементы, дабы не причислить их ошибочно к основным явлениям изучаемого языка.¹ Этот труд оказал несомненное влияние на работу Ш. Чуча.

Предметом исследования автор считает «русские заимствования удмуртского народного языка», видимо, подразумевая под ними все лексические русизмы, за исключением новейших русских заимствований литературного языка. Ограничение предмета исследования ранними и современными диалектными заимствованиями определило круг источников: фольклорно-диалектологические публикации Т. Г. Аминофа, Ю. Вихманна, Д. Р. Фокоша-Фукса (по записям Б. Мункачи), часть удмуртских письменных памятников XVIII в., комментированных и опубликованных Т. И. Тепляшиной², словари Ф. И. Видемана и Б. Мункачи.

Приняв во внимание, что в словарь Б. Мункачи³ включена лексика абсолютного большинства печатных изданий на удмуртском языке последней четверти XIX столетия (в том числе и его собственных публикаций⁴), можно с уверенностью констатировать: автором рецензируемой работы просмотрена довольно солидная часть дореволюционной письменной литературы на удмуртском языке. Из диалектных публикаций последних лет

использованы тексты Т. И. Тепляшиной.⁵ Однако автор почему-то обошел молчанием публикации И. В. Тараканова по бавлинскому диалекту удмуртского языка⁶, а также материалы удмуртских авторов по интересующей его теме.⁷ Наконец, не вина, а беда его в том, что ему не были доступны богатейшие материалы рукописного фонда Удмуртского научно-исследовательского института, собранные в результате многочисленных фольклорно-диалектологических экспедиций в различные районы проживания удмуртов начиная с 1929 года. К сожалению, эти материалы до сих пор соответствующим образом не обработаны и не сделаны достоянием широкого круга исследователей и читателей.

Рецензируемая работа состоит из двух частей. Первая включает небольшое «Введение», излагающее цели и задачи исследования и указывающее на источники, и «Список слов» — перечень расположенных в алфавитном порядке русских заимствований в удмуртском языке. В каждой словарной статье в качестве заглавного даются слова глазовского и сарапульского диалектов, наиболее близких, по мнению автора, к современному литературному языку, далее приводятся идентичные русские заимствования других удмуртских диалектов, если таковые отмечены в источниках. Одним из основных компонентов словарной статьи является указание на русский оригинал в литературной или диалектной форме; в некоторых случаях словарная статья завершается небольшими комментариями фонетического или морфологического оформления заимствований в различных диалектах.

Автором извлечено из источников и этимологизировано 600 русских заимствова-

⁵ Т. И. Тепляшина, *Образцы диалектных текстов. Удмуртский язык*. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1962.

⁶ И. В. Тараканов, *Образцы урсу-гуртской речи удмуртского языка*. — Keeletheaduslikke töid, Tartu 1959 (TRUI 77).

⁷ В. И. Алатырев, *Октябрьской революциильсь азьло зуч кылъсь удмурт кылъ пьрем кылъёс*. — Молот 1958, № 7; В. М. Вахрушев, *К вопросу развития лексики удмуртского языка*. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. 19, Ижевск 1959.

¹ B. Munkácsi, *Votják nyelvtanulmányok. Idegen elemek a votják nyelvben*. — NyK XVIII 1884, стр. 54.

² Т. И. Тепляшина, *Памятники удмуртской письменности XVIII века*. (Выпуск первый), Москва 1965.

³ B. Munkácsi, *A votják nyelv szótára*, Budapest 1896.

⁴ B. Munkácsi, *Votják népköltészeti hagyományok*, Budapest 1887.

ний (не считая отдельными лексемами их диалектные варианты). Абсолютное большинство этимологий не вызывает сомнений, что в какой-то мере обусловлено характером исследуемого материала: работа посвящена самому позднему и потому наиболее легкой для этимологизации пласту неисконной удмуртской лексики. Однако и в этой области исследователю приходилось сталкиваться с определенными нерешенными проблемами. Из перечисленных автором нескольких видов трудностей (см., например, 7.1.) нам хочется заострить внимание на следующих: отсутствии фундаментальных исследований в области удмуртско-татарских языковых контактов и недостаточной изученности удмуртских диалектов. Эти недостатки удмуртского языкознания сказались и на качестве рецензируемой работы.

В связи со сказанным следует отметить, что не так обосновательна мысль Ю. Вихманна о том, что отдельные русские слова могли попасть в удмуртский язык через татарское посредство (1.2.4.1.). Если даже Ю. Вихманн и ошибается в отношении слов *kuso* 'коса', *ukno* 'окно', *kulčo* 'кольцо' — они действительно могли быть, как полагает Ш. Чуч, и прямыми заимствованиями из русского, — фонетическое оформление следующих слов указывает на непосредственный татарский источник заимствования: *gir*, *ger* К. (? *gər* В. К.) (92) < тат. *gər* 'гиря'; *kiñaga* К. (177) < тат. *kenəgə* 'книжка, книга'; *šaraka* Sz. (507) 'kicsiny, henger alakú botocsák; kleine, runde stückchen' < тат. диал. *šərakə* 'катушка, шпулька; шашки для самовара' и некоторые другие.

Вызывают сомнение и следующие этимологии:

1. *drak* МУ. автором воспринят и переведен как 'freund; друг'. Между тем ни фольклорный текст, ни перевод его Ю. Вихманном на немецкий язык не дают основания для подобного заключения. Ср.: *oĵ drak, ađamı wrot vādez makes kuspaz ğine patškatiz* ... 'Wunderbar! Mein freund der mensch presse das pferd zwischen seinen schenkeln' (JSFOu XIX, 53) 'Поразительно! Мой друг человек зажал лошадь между ног'. Слово *drak* (~ *du-rak*), которое нередко употребляется в шошминском и кукморском диалектах периферийно-южного наречия в качестве

модального слова для выражения удивления, недоумения и т. д., и исключительно точно переведено Ю. Вихманном ('Wunderbar!'), восходит к рус. *дурак*, а не *друг* (75). Редукция и выпадение нешироких гласных первого слога (*durak* > *drak*) — явление довольно обычное в шошминском (МУ) диалекте.⁸

2. *dar* К. 'дерн, высохшая трава' в современном кукморском («казанском») диалекте имеет еще значение 'берег, обрыв, круча' и восходит, по всей вероятности, к *яр*, ср. тат. *яр* 'берег', диал. 'овраг, балка', рус. *яр* 'крутой обрывистый берег реки, озера; обрыв', диал. 'овраг, лощина' (< тюрк.⁹), а не к рус. *дёрн* (86).

3. В сочетании *praška-val* К. 'lógós ló; пристяжная (лошадь)' (*val* 'лошадь') компонент *praška* и фонетически, и семантически значительно легче связать с рус. *упряжка*, нежели с *праца* 'метательное оружие' (410).

4. Слова *obid* G., Sz. 'обида', с одной стороны, и *obida* МУ. 'лесной дух', *obida* 'ведьма, колдунья', с другой, этимологически едва ли взаимосвязаны. Если имеется резон возвести первое к рус. *обида* (312), то последние имеют скорее всего тюркское (чувакское) происхождение.¹⁰

5. Удм. *žar* Sz., J. 'рассвет, заря' (510) (вернее *žar*, на что указывает форма «казанского» диалекта *žar* < *žar*) семантически связано с удм. *žarıt* 'бледный, светлый', *žаректыны* 'рассветать' и является по происхождению финно-угорским.¹¹

Вторая часть работы, посвященная теоретическим проблемам лексического заимствования из русского языка в удмурт-

⁸ Т. И. Тепляшина, Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка. — Вопросы языка, литературы и фольклора, Йошкар-Ола 1961 (ТМарНИИ XV), стр. 129—130.

⁹ M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki 1969, стр. 188.

¹⁰ В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964, стр. 274; М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками II, Чебоксары 1968, стр. 147.

¹¹ КЭСК 92.

ский, состоит из семи небольших разделов.

В первом разделе излагаются особенности фонетической адаптации русских слов при заимствовании их в удмуртский язык. При объяснении нормальных или незакономерных отклонений в произношении русских слов в удмуртских диалектах автор нередко отталкивается не от орфоэпических норм русского литературного языка, а от особенностей севернорусских диалектов, откуда предположительно заимствовано большинство русизмов. Многие положения бесспорны и заслуживают внимания. Интересны две сводные таблицы, отражающие систему соответствий удмуртских согласных и гласных русским фонемам в заимствованной лексике (1.2.2. и 2.1.2.).

Определенную ценность для исторической фонетики удмуртского языка имеет попытка автора определить абсолютное время сужения некоторых гласных: $o > u$, $a > o$. Как известно, процесс $o > u$ распространился не только на слова финно-угорского происхождения (ср. коми *дон* ~ удм. *дун* 'цена', коми *кок* ~ удм. *кук* 'нога', коми *овны* ~ удм. *улыны* 'жить'¹² и т. д.), но захватил также некоторую часть русских заимствований (*доска* > *dusko*, *коса* > *kuso*). Однако в абсолютном большинстве русских заимствований корневой *o* сохранился без изменения (автор насчитывает до 60—70 подобных слов, см. 1.2.4.1.). Ш. Чуч справедливо полагает, что слова последней группы проникли в удмуртский язык уже после прекращения действия фонетического закона изменения *o* в *u*. Определить предположительное время начала этого процесса в удмуртском языке позволяют удмуртские топонимы с корневым *-y-* различных пунктов удмуртской языковой области, попавшие в русские говоры еще с гласным *-o-* в корне: удм. *Туйка* ~ рус. *Тойкино* (село в Верещагинском районе Пермской обл.), удм. *Туймы* ~ рус. *Тойма* (река в Алнашском районе Удмуртской АССР) и т. д.¹³

¹² По подсчетам Д. В. Бубриха, на соответствие коми *o* ~ удм. *y* имеется около 130 примеров; см. Д. В. Бубрих, К вопросу о пермском вокализме. — Бюллетень ЛОИКФУН, вып. 4, Ленинград 1929, стр. 18.

¹³ В. И. Лыткин, Топонимы как источник изучения исторической фонетики. — Язык и человек. Сборник статей памя-

Эти соответствия свидетельствуют о том, что сужение исконного *o* в корне началось в удмуртском языке не раньше первых интенсивных сношений удмуртов с русскими (по предположению автора, в XV—XVI вв.¹⁴), ибо последние усвоили удмуртскую топонимию с древним *o*. Во второй половине XVIII — начале XIX этот фонетический закон уже не действовал, о чем свидетельствуют обильные русские заимствования, попавшие в удмуртский язык с сохранением исконного *o* в корне (1.2.4.1.). В значительной мере совпало по времени с предыдущим явлением изменение *a* непервого слога в *o*, например, рус. *постав* > удм. *pustol* 'сухоно', рус. *образ* > удм. *obros* 'икона, образ' (1.2.4.2.).

В разделе «Изменения в фонологической структуре русских заимствований» автор подробно останавливается на явлениях, связанных с устранением нехарактерных для удмуртского языка консонантных групп, выпадением конечных гласных и гласных открытых слогов в середине многосложных слов.

Непоследовательность в устранении сочетания согласных в заимствованиях исследователя связывает с наличием в удмуртских диалектах различных хронологических пластов русских заимствований. Слова, в которых сочетания согласных устранены, относятся к раннему пласту, в более поздних заимствованиях консонантные группы сохраняются (2.1.4.; см. также 7.2.).

Выпадение безударных гласных в середине многосложных слов при заимствовании в удмуртский язык (рус. *кобыла* > удм. *kobla*, рус. *купальница* > удм. *ku pañča*, рус. *улица* > удм. *ulča* и др.) автор объясняет, исходя из особенностей структуры слова (2.3.). Подобное объяснение кажется нам не достаточным. Сле-

ти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899—1968), Москва 1970 (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики IV), стр. 193—194.

¹⁴ Может быть, и несколько раньше, так как проникновение русских в земли северных удмуртов началось еще в XII—XIII вв.; см. П. Луппов, Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века, Вятка 1901, стр. 56; Очерки истории Удмуртской АССР I, Ижевск 1956, стр. 23.

дует заметить, что выпадение инлаутного гласного или даже целого слога имеет место не только в заимствованиях, но и в удмуртских словах и грамматических формах как в диалектах, так и литературном языке, например: *лабырес* ~ *лабрес* 'раскидистый (о дереве)', *котырес* ~ *котрес* 'круглый', *мыныны* ~ *mĩnnĩ* 'идти', *бертытозь* ~ *berttož* 'до возвращения домой', *табере* ~ *tabre*, *tare* 'теперь' и др. Нам кажется, что выпадение гласных (resp. слогов) в трех- (или более) сложных словах обусловлено двухвершинным характером удмуртского словесного ударения. Как уже замечено исследователями, удмуртское многосложное слово имеет два ударения: основное и второстепенное. Первое из них находится, как правило, на конечном слоге, второе — на первом.¹⁵ Синкопу в многосложных словах фонетически можно квалифицировать как своеобразное проявление редукции безударных (т. е. находящихся между двумя акцентуационными полюсами) гласных в удмуртском языке. При этом нужно указать, что в рассмотренной позиции выпадают преимущественно *i*, *j*, изредка *e*, *o*, т. е. узкие и наиболее краткие по своей фонетической природе гласные, но не широкой *a*.

Разумеется, это утверждение следует рассматривать лишь как более или менее удачную рабочую гипотезу.

В двух первых разделах встречаются некоторые неточности, обусловленные отсутствием обобщающих работ по удмуртским диалектам. Удмуртские диалектные

явления, которые отражаются и в заимствованной лексике, автор иногда приписывает особенностям языка-источника. Так, «незакономерную» субституцию рус. *ч*-согласным *-t'* в самарском, уфимском и пермском диалектах (напр. *t'aj* < рус. *чай*, *t'arka* < рус. *чарка*) правомернее объяснить, исходя из фонетических особенностей данных удмуртских диалектов, в которых общеудм. *č* заменен во всех позициях в слове согласным *t'*¹⁶, чем выводить из гипотетических севернорусских диалектных форм типа **тей* (39, 43; 1.1.1.2.).

Литера *ě* в транскрипции Б. Мункачи обозначает неогубленный гласный среднего подъема заднего ряда, отмечаемый в современных работах по удмуртской диалектологии буквами *ǎ* или *ө*, а не *е* (1.2.5.).

Причина появления звонкого *g* в *теšog* < рус. *мешок* (280) кроется в sporadическом или регулярном (в зависимости от диалекта) озвончении этимологических глухих смычных в интервокальном положении, наблюдаемом в некоторых диалектах. Кстати, в таких диалектах форма *теšog*-возможна лишь в косвенных падежах (в оригинальном тексте, на что ссылается Ш. Чуч, имеем *теšogǎ* 'в мешок'), в именительном же падеже выступает, как правило, *теšok*.

В словах *potnos* < рус. *поднос* (402), *rotña* < рус. *родня* (435) буквой *t* (< рус. *д*) Б. Мункачи и Ю. Вихманн обозначают, по всей вероятности, не глухой смычный зубной согласный *t* (1.1.3.2.), а гортанный смычный, появляющийся в некоторых южноудмуртских диалектах вместо смычных *d*, *t*, *g* и других перед сонорными, в том числе и *n*, *ń*.¹⁷

¹⁶ J. Balassa, A votják nyelv néhány hangjáról. — KSz XVI, стр. 103; T. E. Uotila, указ. раб., стр. 28; см. также И. Тараканов, О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка. — Keeleteaduslikke töid, Tartu 1959 (TRÜT 77), стр. 195.

¹⁷ Г. А. Архипов, Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка. — Tõid filoloogialalt I, Tartu 1962 (TRÜT 117), стр. 195—197; В. К. Кельмаков, Кукморский диалект удмуртского языка. Автореферат канд. дисс., Москва 1970, стр. 11.

¹⁵ F. J. Wiedemann, Grammatik der syrtjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St. Petersburg 1884, стр. 43; Y. Wichmann, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische, Helsinki 1915 (MSFOu XXXVI), стр. 87; E. Itkonen, Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen. — ALHung. V 1955, стр. 30. По экспериментальным данным У. Байчуры, в двухсложном слове на первый слог приходится слоговое и тоническое ударение (в разных диалектах выраженное в различной степени), а на второй (последний) слог — сонорная длительность гласного. См. У. Ш. Байчура, Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками II, Казань 1961, стр. 253—254.

Автор прав, утверждая, что *č* и *č'* являются в удмуртском языке не самостоятельными фонемами, а диалектными вариантами одной фонемы, но, как нам кажется, ошибается, что они «нередко чередуются внутри одного диалекта» (1.1.6.2.). По крайней мере нам не известен ни один удмуртский диалект, в системе согласных которого одновременно функционировали бы *č* и *č'*. Что касается утверждения Б. Мункачи о том, что в Каз[анском], Мал[мыжском], Ел[абужском] и Глаз[овском] диалектах *č'* систематически чередуется с *č* ...¹⁸, то его, видимо, нужно понимать в том смысле, что согласному *č'* одного диалекта в другом систематически соответствует *č*.

Вопросы морфологической адаптации русских существительных, прилагательных и глаголов при заимствовании их в удмуртский язык рассматриваются в третьем разделе. К этому разделу можно сделать следующее замечание.

Слова *izveška, izvaska* (123) и *prijomts'ik* (357) получили соответствующие суффиксы *-ka* и *-i'sik* не на базе удмуртского языка, как полагает автор (3.1.2.), а в языке-источнике, ср. *izvaska* < рус. *известка*, *prijomts'ik* < рус. *прямщик*. Суффикс *-i'sik* последнего слова не имеет по своему происхождению ничего общего с удмуртским суффиксом *-чи* (< тюрк.).

В четвертом и пятом разделах рецензируемой работы автор дает некоторые цифровые данные, иллюстрирующие распределение заимствований по частям речи и диалектам. Цифры, указывающие на количество русских заимствований в том или ином диалекте, как признает и сам автор, не выражают степени влияния русского языка на каждый из них, ибо не по всем диалектам материал представлен одинаково полно (5.1.). Недаром казанский диалект, имеющий в действительности наименьшее количество лексических русизмов, находится в таблице перед глазовским, слободским и тыловайским диалектами, подверженными русскому влиянию в большей степени, чем казанский. Что касается цифровых данных, характеризующих распределение заимствован-

ной лексики по частям речи (из 600 слов существительные составляют 77,5%, прилагательные — 8,8%, глаголы — 6,4%, союзы — 2,7% и т. д.), они не очень далеки от объективной истины и позволяют автору прийти к интересным в научном отношении выводам.

1. Большое количество существительных, с одной стороны, и незначительное число глаголов, с другой, доказывают, что влияние русского языка на удмуртский было довольно интенсивным, но относительно поздним.

2. В удмуртском языке не сохранились древние союзы, и этим объясняется паразитическое множество заимствованных (4). Здесь можно добавить, что сравнительно большой фонд заимствованных союзов, преимущественно подчинительных, свидетельствует об относительно позднем развитии в удмуртском языке сложноподчиненных предложений с некоторыми видами придаточных и несомненной роли русского языка в этом процессе.

В шестом разделе автор распределяет удмуртские слова русского происхождения по 12 лексико-семантическим группам, причем некоторые из них имеют еще подгруппы. Многие из выделенных III. Чучеш групп совпадают с таковыми в упомянутых выше работах В. И. Алатырева и В. М. Вахрушева; в целом же классификация III. Чуча полнее и подробнее.

В заключительном — седьмом — разделе второй части автор пытается дать периодизацию и хронологизацию русских заимствований удмуртского языка. Он полагает, что до XVI в. заимствование из русского языка в удмуртский носило случайный, спорадический характер; большая часть русских заимствований, рассмотренных в работе (не менее 2/3), попала в удмуртский язык в XIX в., на что указывает то, что в период фиксации их в конце XIX — начале XX в. большинство русизмов употреблялось в удмуртском языке в фонетически не адаптированном виде.

Ранными заимствованиями (не позднее XVII—XVIII вв.) автор считает слова:

- 1) принявшие участие в фонетическом процессе сужения широких гласных ($o > u$, $a > o$);
- 2) отмеченные в письменных памятниках XVIII в.;
- 3) относящиеся к определенным лекс-

¹⁸ В. Munkácsi, *A votják nyelv szótára*, стр. 305.

ко-семантическим разрядам, например, слова, обозначающие дом и его части и т. д.

К древнему пласту русских заимствований автор склонен отнести также и слова, в которых развивались вторичные аффрикаты, устранились сочетания согласных и происходили некоторые морфологические преобразования (7.2.).

Почти со всеми этими доводами автора в пользу древности тех или иных заимствований вполне можно было бы согласиться, если бы некоторые из названных им явлений не имели места и в относительно поздних заимствованиях, в частности — устранение инициальных и финальных консонантных групп: рус. *министр* > удм. диал. *miñistīr*, рус. *трактор* > удм. диал. *tīraktor*, *tjīraktor* и др. И вторичные аффрикаты могут появляться на базе удмуртского языка в явно поздних (конца XIX — начала XX в.) русских заимствованиях, о чем свидетельствуют материалы средних говоров («сарapulьского» диалекта): *abažur* < *абажур*, *blindažoš* 'до блиндажа' < *блиндаж*, *režim* < *режим*, *t'iražen* 'тиражом' < *тираж*, *gažet* < *газета*, *mužej* < *музей*, *križis* < *кризис* и т. д. Видимо, при отсутствии древних

письменных памятников нужно выработать более жесткие критерии для определения хронологических пластов в заимствованной лексике.

В рецензируемой работе, в целом выполненной довольно тщательно, встречаются, к сожалению, досадные орфографические ошибки и описки, например, *коросин* вместо *керосин* (163), *каждный* вместо *каждый* (175), *пачальник* вместо *начальник* (293), *надзиратель* вместо *надзиратель* (295), *нежели* вместо *нежели* (300), *ташпорт* вместо рус. диал. *пашпорт* (345), *zolor*, *zoцор* вместо *žolor*, *žoцор* (598), 1939 вместо 139 (1.1.4.3.), примеры под номерами 186, 261 (1.1.7.2.), 369, 389 (1.1.8.2.) не соответствуют тому теоретическому положению, в подтверждение которого приведены и т. п.

Несмотря на указанные недочеты и замечания, работа Шандора Чуча является значительным вкладом в удмуртское языкознание и заинтересует всех, кто занимается проблемами контактирования удмуртского языка с неродственными языками, а также вопросами исторической лексикологии и фонетики удмуртского языка.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

K. U u s t a l u, Lõuna-Eesti saksakeelne toponüümia (mõisanimed) (Deutschsprachige Toponymie Südestlands (Güternamen)). Dissertation (in estnischer Sprache) zur Erlangung des wissenschaftlichen Grades einer Kandidatin der Philologie, Tartu 1972.

Koidu Uustalu, Oberlehrerin am Lehrstuhl für deutsche Sprache und Literatur der Tartuer Staatlichen Universität, verteidigte am 21. Dez. 1972 vor dem wissenschaftlichen Rat der historisch-philologischen Fakultät ihre Dissertation «Deutschsprachige Toponymie Südestlands (Güternamen)». Der wissenschaftliche Leiter der Arbeit war Akademiemitglied Professor P. Ariste. Die offiziellen Opponenten — Doktor der Philologie Professor P. Alvre (Tartu) und Kandidatin der Philologie Dozentin H. Liin (Tallinn) — hoben besonders die Gründlichkeit und die methodische Folgerichtigkeit der Forschungsarbeit hervor.

Koidu Uustalus Dissertation ist eine umfangreiche Forschungsarbeit (352 maschi-

nengeschriebene Seiten) über die im ehemaligen Livland benutzten Ortsnamen. Da seit Anfang des 13. Jh. bis in die 40er Jahre unseres Jahrhunderts statt der estnischen Ortsnamen der verschiedensten Art oft auch deutschsprachige Entsprechungen benutzt wurden, so erwies es sich als notwendig, das Thema der Arbeit enger zu fassen und sich nur auf die Namen der Gutshöfe zu beschränken. Ein Teil dieser Namen ist rein deutscher Herkunft, die meisten jedoch gehen vom Estnischen aus. Somit ist K. Uustalus Dissertation von zweifacher Bedeutung: sowohl für die Germanistik als auch für die bisher noch ziemlich lückenhaft erforschte estnische Ortsnamenkunde. Mit den Germanisten können